

**Конвенция о правах
инвалидов**

Distr.: General
22 May 2017
Russian
Original: English

Комитет по правам инвалидов**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 2 Факультативного протокола в отношении
сообщения № 31/2015* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Д.Ю. (представлен Г.Ю.)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	8 июля 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 70, препровожденное государству-участнику 20 июля 2015 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	24 марта 2017 года
<i>Тема сообщения:</i>	запрет на применение в школах облегченной коммуникации в качестве способа общения
<i>Процедурные вопросы:</i>	неисчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	право на образование; цель Конвенции; разумное приспособление; дискриминация по признаку инвалидности; доступность; равенство перед законом; свобода выражения мнения и убеждений; доступ к информации
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 3, 4, пункты 2) и 3) статьи 5, статьи 9, 12, 21, 24 и 25
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	пункт d) статьи 2

* Принято Комитетом на его семнадцатой сессии (20 марта – 12 апреля 2017 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Ахмад Ас-Саиф, Данлами Умару Башару, Монтьян Бунтан, Имед Эддин Чакар, Терезия Дегенер, Юн Ишикава, Самюэль Нджугуна Кабуе, Ким Хюн Сик, Стиг Лангвад, Лазло Габор Ловаси, Роберт Джордж Мартин, Мартин Бабу Мвесигва, Карлос Альберто Парра Дуссан, Кумаравел Пьянеанди, Валерий Никитич Рухледев, Джонас Рускус, Дамьян Татич и Ю Лян.

1.1 Автором сообщения является Д.Ю., гражданин Швеции, родившийся 5 февраля 1995 года. Он утверждает, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьями 5, 24 и 25, рассматриваемыми в совокупности со статьями 2, 3, 4, 9, 12 и 21 Конвенции. Автор представлен адвокатом Г.Ю., которая приходится ему матерью. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 14 января 2009 года.

1.2 15 июля 2015 года Специальный докладчик по новым сообщениям и временным мерам, действуя от имени Комитета, принял решение не направлять запрос о принятии временных мер согласно статье 4 Факультативного протокола.

1.3 29 апреля 2016 года Специальный докладчик по новым сообщениям и временным мерам, действуя от имени Комитета, согласно пункту 8 правила 70 правил процедуры Комитета, принял решение о рассмотрении вопроса относительно приемлемости сообщения отдельно от его существа.

А. Резюме информации и аргументов, представленных сторонами

Факты в изложении автора

2.1 Автору поставлен диагноз «умеренная умственная отсталость с аутистическими чертами». Он учится в средней школе для детей с особыми потребностями Хёгсбодаль (муниципалитет Гётеборг, Швеция). Раньше во время занятий в школе автор пользовался «облегченной коммуникацией», позволявшей ему общаться с учителями и одноклассниками.

2.2 В своем решении от 19 декабря 2014 года школьная инспекция Швеции обязала муниципалитет Гётеборг прекратить использование «облегченной коммуникации» во всех муниципальных учреждениях. Это требование было выполнено.

2.3 Автор заявляет, что в результате ввода школьной инспекцией запрета на использование облегченной коммуникации и применения этого решения муниципалитетом Гётеборг он потерял возможность принимать активное участие в занятиях. Он утверждает, что этот запрет привел к тому, что уровень получаемого им образования снизился и ему не удалось продемонстрировать усвоение предусмотренного учебным планом материала. Он указывает, что запрет на применение облегченной коммуникации создает препятствие для его учебы, иными словами – представляет собой нарушение его права на образование.

2.4 Автор ссылается на доклад специального педагога средней школы Хёгсбодаль. Согласно этому докладу, поступив в эту школу в 2012 году, автор использовал различные способы выражения мысли при помощи изображений. Он часто «застревал» на каком-то одном изображении, и педагогам приходилось угадывать, что он хотел сказать. В течение года, предшествовавшего переходу на методику облегченной коммуникации, автор испытал несколько вспышек гнева. Сотрудники школы были вынуждены давать автору «Валиум», чтобы успокоить его. Автор утверждает, что облегченная коммуникация была дополнительным инструментом, позволявшим ему вести более интенсивный диалог и более подробно выражать мысли и желания.

2.5 Автор отмечает, что решение школьной инспекции о прекращении использования облегченной коммуникации в школах и выполнение этого решения муниципалитетом Гётеборг вынудило его вернуться к общению с сотрудниками школы при помощи картинок. В результате он не может выразить свою мысль и снова указывает на одно и то же изображение, а когда его не понимают, впадает в отчаяние. Автор добавляет, что посредством облегченной коммуникации заявлял о своем нежелании общаться при помощи картинок, так как он умеет писать. Автор утверждает, что общение при помощи картинок представляет собой более ограничительный метод общения и мешает ему учиться и эффективно взаимодействовать с другими людьми. Такая форма общения противна его воле,

унижает его достоинство и приводит к тому, что его возможности и потенциал оказываются недооцененными.

2.6 Автор также отмечает, что, принимая решение о запрещении использования облегченной коммуникации, школьная инспекция хотела защитить его и «действовала исходя из его высших интересов». Однако он считает, что такая аргументация в корне противоречит духу Конвенции. Автор ссылается на замечание общего порядка № 1 (2014) Комитета о равенстве перед законом, в котором говорится, что «принцип «высших интересов» не служит гарантией, которая соотнобразовывается со статьей 12, если говорить о взрослых. Парадигму «высших интересов» следует заменить парадигмой «воли и предпочтений» для обеспечения того, чтобы инвалиды пользовались правом на правоспособность наравне с другими»¹. Автор утверждает, что он четко заявил о своей воле и предпочтениях относительно использования облегченной коммуникации, но считает, что его мнение не было принято во внимание, так как было выражено посредством облегченной коммуникации. Он считает, что отказ принимать во внимание его волеизъявление по той причине, что оно было осуществлено посредством облегченной коммуникации, означает, что ему не позволяют сделать самостоятельный выбор.

2.7 Автор далее отмечает, что решение школьной инспекции о запрещении использования облегченной коммуникации и его выполнение муниципалитетом отрицательно сказались на его благополучии. Не имея возможности выразить свои мысли, он испытывает вспышки гнева, которые ставят под угрозу как его собственное здоровье, так и здоровье окружающих. Во время таких приступов ярости двое или трое сотрудников вынуждены удерживать его, чтобы предотвратить серьезные увечья. Кроме того, он вынужден принимать «Валиум», а это тяжелое наркотическое средство. Имея возможность общаться при помощи облегченной коммуникации, автор практически не нуждался в таких препаратах, но теперь, без использования облегченной коммуникации, ему предписано принимать по одной или две таблетки «Валиума» ежедневно. Решение школьной инспекции и приведение этого решения в исполнение муниципалитетом привели к серьезному ухудшению состояния здоровья автора и увеличению получаемых им доз сильнодействующего препарата, который, возможно, вызывает зависимость.

2.8 Автор подал жалобу на решение школьной инспекции о запрещении использования метода облегченной коммуникации в Административный суд Стокгольма. 21 января 2015 года суд постановил, что в соответствии со статьей 18 главы 28 Закона об образовании решение школьной инспекции от 19 декабря 2014 года обжалованию не подлежит. При этом суд отметил, что на основании Закона об административном производстве это решение все же может быть обжаловано в том случае, если это будет сочтено необходимым для удовлетворения предусмотренного статьей 6.1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция) права на судебное разбирательство в рамках спора о гражданских правах и обязанностях. В то же время суд заключил, что использование облегченной коммуникации не является гражданским правом по смыслу статьи 6.1 Европейской конвенции и что, таким образом, решение школьной инспекции не может быть обжаловано. Затем автор сообщения обратился с ходатайством о разрешении подать апелляцию на решение суда первой инстанции в Административный апелляционный суд. 13 февраля 2015 года Административный апелляционный суд отклонил его ходатайство о разрешении на апелляцию.

Жалоба

3.1 Автор считает, что, лишив его возможности использовать предпочтительный для него метод общения, а именно – облегченную коммуникацию, государство-участник нарушило его права по статье 24, рассматриваемой отдельно и в

¹ См. пункт 21.

совокупности со статьями 2, 3, 4, 9, 12 и 21 Конвенции. Автор утверждает, что он четко выразил свое желание использовать метод облегченной коммуникации и что без облегченной коммуникации он не сможет извлечь пользу из процесса образования и достичь академических целей.

3.2 Что касается утверждений в связи со статьей 24, рассматриваемой в сочетании со статьей 12, автор заявляет, что ему было отказано в праве самостоятельно избрать предпочтительный способ общения. Во-первых, школьная инспекция и муниципалитет предположили, что он выбрал метод обучения, тогда как на самом деле он выбрал средство общения. Во-вторых, отнеся облегченную коммуникацию к категории образовательных методик, школьная инспекция и муниципалитет увязали ее с требованием, согласно которому образование «должно опираться на научный фундамент и испытанные методики», как это предусмотрено шведским законодательством². Автор отмечает, что школьная инспекция и муниципалитет сочли облегченную коммуникацию не отвечающей этому требованию и потому лишили его возможности избрать ее в качестве предпочтительного метода общения. Автор утверждает, что школьной инспекции и муниципалитету следовало признать облегченную коммуникацию не «образовательной методикой», а дополнительным способом общения, который автор должен иметь право выбирать самостоятельно. Автор утверждает, что ошибочная классификация облегченной коммуникации в качестве образовательной методики лишает инвалидов возможности выбрать подходящее им средство общения, что приводит к дискриминации по признаку инвалидности. Автор также утверждает, что, если его выбор средства общения будет поставлен под сомнение по той причине, что он был выражен посредством облегченной коммуникации, это будет означать, что государства-участники смогут отвергать любое волеизъявление и любой выбор, сформулированный посредством какого-либо нетрадиционного способа коммуникации, ссылаясь на отсутствие других, поддающихся проверке путей подтверждения.

3.3 Что касается его утверждений по статье 24, рассматриваемой в сочетании со статьями 2, 9 и 21, то автор отмечает, что в соответствии с пунктом 3) статьи 24 Конвенции государства-участники обязаны наделять инвалидов возможностью осваивать жизненные и социализационные навыки. Автор также отмечает, что это обязательство предполагает, что государства-участники обязаны принимать надлежащие меры в целях содействия освоению азбуки Брайля, альтернативных шрифтов, усиливающих и альтернативных методов, способов и форматов общения. Автор утверждает, что обязательство по содействию различным формам общения также является ключевым элементом статьи 9 Конвенции и что право выбора в отношении форм общения закреплено непосредственно в статье 21 Конвенции. Автор утверждает, что это право выбора должно также действовать в отношении выбора метода общения в контексте образования и что закрепленное в статье 2 Конвенции определение общения предполагает широкое прочтение того, что квалифицируется в качестве видов общения, охраняемых в соответствии с Конвенцией.

3.4 Автор заявляет, что государство-участник не приняло надлежащих мер для разумного приспособления к избранному им методу общения, что представляет собой нарушение его прав по пункту 3 статьи 5 Конвенции. Он утверждает, что создание условий для использования избранного им способа общения в школе, где он обучается, не стало бы несоразмерным или неоправданным бременем для государства-участника, так как он общался с сотрудниками школы посредством облегченной коммуникации еще до 19 декабря 2014 года, когда школьная инспекция приняла решение об ее запрете. Таким образом, никакие дополнительные ресурсы для использования избранного им способа общения не требуются. Автор также утверждает, что требование о том, что методы общения должны удовлетворять научным критериям, представляет собой нарушение его прав по пункту 2 статьи 5 Конвенции. Он считает, что, поскольку тре-

² Автор ссылается на Закон об образовании.

ование, согласно которому методы общения должны иметь научное обоснование, не распространяется на вопрос о пригодности способов общения, предпочитаемых людьми без инвалидности, ошибочное отнесение облегченной коммуникации к образовательным методикам, не нарушая свободу выбора способов общения лиц без инвалидности, нарушает эту свободу в отношении инвалидов и, следовательно, носит дискриминационный характер.

3.5 Автор далее утверждает, что, не имея возможности выразить свои мысли, он испытывает вспышки гнева, что создает опасность для его собственного здоровья и для здоровья окружающих и приводит к тому, что он употребляет больше сильнодействующих и, возможно, вызывающих зависимость наркотических веществ, а это нарушает его права по статье 25 Конвенции.

3.6 Автор просит Комитет обеспечить предоставление ему государством-участником возможности общаться посредством облегченной коммуникации в средней школе для детей с особыми потребностями Хёгсбодаль.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 21 сентября 2015 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости сообщения. Государство-участник считает, что это сообщение должно быть признано неприемлемым на основании пункта d) статьи 2 Факультативного протокола и правила 68 правил процедуры Комитета по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.2 Государство-участник отмечает, что 21 января 2015 года Административный суд Стокгольма отклонил жалобу автора на решение школьной инспекции от 19 декабря 2014 года. Оно также отмечает, что автор подал жалобу на решение Административного суда в Административный апелляционный суд, который 13 февраля 2015 года отклонил ее. Государство-участник отмечает, что в своем первоначальном представлении автор заявил, что решение Административного апелляционного суда обжаловать невозможно и что, таким образом, он исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

4.3 Государство-участник утверждает, что согласно статье 33 Закона об административном судопроизводстве решение Административного апелляционного суда может быть обжаловано в Верховном административном суде. Государство-участник отмечает, что это также явствует из решения Административного апелляционного суда, который в приложении к своему решению указал информацию о процедуре подачи апелляционной жалобы. Государство-участник утверждает, что, не подав жалобы в Верховный административный суд, автор не дал властям страны возможности изучить приведенные обстоятельства в полной мере. Государство-участник отмечает, что, увенчавшись обжалованием в Верховном административном суде успехом, автор, возможно, получил бы право обжаловать и решение школьной инспекции, что в конечном счете могло бы привести к рассмотрению его заявления с требованием отменить решение, принятое школьной инспекцией. Государство-участник утверждает, что нет никаких оснований полагать, что обжалование в Верховном административном суде было бы неоправданно затянутым или, скорее всего, не принесло бы действенного результата.

Комментарии автора по представлению государства-участника

5.1 18 декабря 2015 года автор представил свои комментарии по замечаниям государства-участника. Он считает, что возможность обжалования решения Административного апелляционного суда в Верховном административном суде не является необходимым условием исчерпания внутренних средств правовой защиты согласно пункту d) статьи 2 Факультативного протокола. Автор утверждает, что процедура обжалования в Верховном административном суде неоправданно затянула бы судебное разбирательство и, скорее всего, не принесла бы действенного результата. Автор отмечает, что практически наверняка обжалование в Верховном административном суде привело бы лишь к очередному

отказу в разрешении на подачу апелляции, в то время как состояние его здоровья продолжало бы ухудшаться по причине отказа ему в правах, предусмотренных Конвенцией.

5.2 Автор отмечает, что в соответствии со статьей 36 Закона об административном судопроизводстве существуют только две категории дел, по которым Верховный административный суд может разрешить подать апелляцию, а именно: если для применения этого закона важно, чтобы апелляция была рассмотрена Верховным административным судом, или если имеются исключительные причины для такого рассмотрения, например основания для пересмотра дела в рамках чрезвычайного надзора³, либо если Административный апелляционный суд допустил очевидное серьезное упущение или ошибку. Автор утверждает, что Верховный административный суд редко дает такое разрешение на обжалование. Он ссылается на официальный веб-сайт Верховного административного суда, где указано, что ежегодно в суд поступает около 8 000 ходатайств о разрешении на подачу апелляции и только в 2% случаев суд их удовлетворяет. Автор также отмечает, что, согласно размещенной на веб-сайте информации, «в большинстве случаев на практике административные апелляционные суды являются последней инстанцией».

5.3 Автор ссылается на прошлые решения Комитета, утверждая, что Верховный административный суд Швеции осуществляет пересмотр в рамках надзорной процедуры в очень редких и исключительных случаях, аналогичных тем четырем исключительным случаям, в отношении которых имеет юрисдикцию Кассационный суд Италии, о чем говорится в деле *А.Ф. против Италии*⁴. Автор утверждает, что его дело не подпадает ни под одну из двух категорий дел, по которым Верховный административный суд может выдать разрешение на обжалование, и что, следовательно, он не был обязан испытывать эту гипотетическую возможность лишь для того, чтобы выполнить требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты.

5.4 Автор также утверждает, что подача ходатайства об апелляции, которое, вероятнее всего, не было бы удовлетворено, лишь продлила бы те тяжелые страдания, которые ему уже были причинены в результате дискриминационного отказа в предоставлении возможности общаться при помощи облегченной коммуникации. Автор отмечает, что эти страдания сказались на его психологической и его физической неприкосновенности, так как отказ в предоставлении ему возможности общаться при помощи облегченной коммуникации привел к тому, что врачи решили, что он представляет опасность для себя и для окружающих, и назначили ему сильнодействующий лекарственный препарат.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 23 июня 2016 года государство-участник представило дополнительные замечания по вопросу о приемлемости сообщения. Государство-участник отмечает, что автор не оспаривает тот факт, что он не стал обжаловать решение Административного апелляционного суда и что шведское законодательство предусматривает возможность обжаловать в Верховном административном суде отказ Административного апелляционного суда в разрешении на обжалование решения.

6.2 Государство-участник оспаривает утверждение автора о том, что апелляция в Верховном административном суде неоправданно затянула бы судебное разбирательство и, скорее всего, не принесла бы действительного результата. Оно считает, что настоящее сообщение отличается от сообщения *А.Ф. против Италии*, поскольку тогда было очевидно, что Кассационный суд Италии мог рассмотреть дело лишь на предмет нарушения формальных требований или при-

³ Государство-участник использует термин «судебный надзор», а не «чрезвычайный надзор».

⁴ См. сообщение № 9/2012, *А.Ф. против Италии*, Соображения, принятые 27 марта 2015 года, пункт 7.7.

менения норм права, не имея возможности повторно рассмотреть его по существу. Государство-участник утверждает, что применимое шведское законодательство допускает повторное рассмотрение дела по существу при условии выполнения требований для выдачи разрешения на подачу апелляции: в статье 36 Закона об административном судопроизводстве сказано, что разрешение на подачу апелляции в Верховный административный суд предоставляется в том случае, если для применения закона важно, чтобы апелляция была рассмотрена, или если имеются исключительные причины для такого рассмотрения, например основания для пересмотра дела в рамках судебного надзора, либо если Административный апелляционный суд допустил очевидное серьезное упущение или ошибку. В свете вышесказанного государство-участник утверждает, что шведское законодательство, касающееся процесса обжалования и условий выдачи разрешения на обжалование, отличается от итальянского законодательства, о котором идет речь в сообщении *А.Ф. против Италии*.

6.3 Государство-участник заявляет, что оно не может оценить вероятность того, что апелляция автора была бы удовлетворена, но, тем не менее, заключает, что, если бы Верховный административный суд нашел основания для выдачи разрешения на обжалование, дело было бы пересмотрено по существу. Оно утверждает, что, хотя Верховный административный суд редко дает разрешение на обжалование, сам по себе этот факт не означает, что процедура обжалования в Верховном административном суде была бы неоправданно затянута или не принесла бы действительного результата.

В. Рассмотрение Комитетом вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола и правилом 65 своих правил процедуры должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

7.2 В соответствии с пунктом с) статьи 2 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос еще не рассматривался Комитетом, а также не рассматривался и в настоящее время не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет отмечает аргумент государства-участника о том, что жалоба должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктом d) статьи 2 Факультативного протокола к Конвенции, поскольку автор не обжаловал решение Административного апелляционного суда в Верховном административном суде. Комитет также отмечает аргумент автора о том, что обжалование в Верховном административном суде вряд ли принесло бы действительный результат. Комитет напоминает, что в исчерпании внутренних средств правовой защиты нет необходимости, если их применение объективно не имеет никаких шансов на успех⁵, но при этом указывает, что одних только сомнений в эффективности внутренних средств правовой защиты недостаточно для освобождения автора от обязанности их исчерпать⁶. Комитет отмечает заявление автора о том, что Верховный административный суд дает разрешение на обжалование только в 2% случаев и только в исключительных обстоятельствах. Комитет также отмечает, что, по словам автора, его дело не подпадает ни под одну из двух категорий дел, по которым Верховный административный суд может дать разрешение на обжалование, а именно: а) если для применения закона важно, чтобы апел-

⁵ См. представленное Комитету по правам инвалидов сообщение № 7/2012, *Ноубл против Австралии*, Соображения, принятые 2 сентября 2016 года, пункт 7.7, и представленное Комитету по правам человека сообщение № 941/2000, *Янг против Австралии*, Соображения, принятые 18 сентября 2003 года, пункт 9.4.

⁶ См., например, представленное Комитету по правам человека сообщение № 674/1995, *Каабер против Исландии*, решение о приемлемости, принятое 5 ноября 1996 года, пункт 6.2.

ляция рассматривалась; или b) если имеются исключительные причины для такого рассмотрения, например основания для пересмотра дела в рамках судебного надзора, либо если Административный апелляционный суд допустил очевидное серьезное упущение или ошибку. Комитет далее отмечает, что, хотя Верховный административный суд дает разрешение на апелляцию только в отношении 2% подаваемых ему на рассмотрение дел, представленные материалы не позволяют Комитету заключить, что дело автора не могло бы быть отнесено ни к одной из двух категорий дел, по которым Верховный административный суд может дать разрешение на обжалование. В этих обстоятельствах Комитет не может заключить, что жалоба автора в Верховный административный суд не имела шансов на успех.

7.4 Комитет отмечает довод автора, согласно которому процедура применения имеющихся внутренних средств правовой защиты была бы необоснованно затянутой. Он замечает, что решение школьной инспекции было вынесено 19 декабря 2014 года и что жалоба, поданная автором против этого решения в Административный суд Стокгольма, была отклонена 21 января 2015 года. Он также отмечает, что 13 февраля 2015 года Административный апелляционный суд отклонил жалобу автора. Таким образом, на тот момент, когда Административный апелляционный суд отклонил жалобу автора, со дня принятия школьной инспекцией своего решения прошло менее двух месяцев. Комитет не считает, что этот срок можно считать необоснованной задержкой. Кроме того, автор не представил никаких других аргументов в обоснование своего заявления о том, что процедура обжалования в Верховном административном суде была бы неоправданно затянутой. Ввиду этого Комитет считает утверждение автора о неоправданно затянутой процедуре недостаточно обоснованным и признает эту часть сообщения неприемлемой в соответствии с пунктом d) статьи 2 Факультативного протокола.

7.5 Комитет приходит к выводу о том, что информация, имеющаяся в материалах дела, не позволяет ему заключить, что обжалование в Верховном административном суде не принесло бы результата или было неоправданно затянутым, и в этой связи считает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны в соответствии с пунктом d) статьи 2 Факультативного протокола.

C. Заключение

8. Поэтому Комитет постановляет:

a) признать сообщение неприемлемым согласно пункту d) статьи 2 Факультативного протокола;

b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора.
